

Ратманский Алексей

15.09.93

Газета - 2003 - 15 сент. - с. 1, 8

“Григоровича снимать не буду”

Алексей Ратманский — Газете

К должности новый художественный руководитель балета Большого театра, 34-летний Алексей Ратманский приступит в январе. Сейчас он приехал в Большой, чтобы обсудить планы, о которых объявит в декабре, и познакомиться с труппой. О своей творческой программе **Алексей Ратманский** рассказал корреспонденту Газеты **Ольге Гердт**.

Что, на ваш взгляд, в балете Большого надо реформировать в первую очередь? Не могу сказать определенно потому, что я просто не видел все спектакли. А чтобы составить полную картину — тут обрывками не обойтись. Есть проблемы общие русской школы — недостаточная скорость ног, работа стоп в какой-то степени. Но, с другой стороны, есть достоинства, которых нет

у других: прыжок, умение занять очень много пространства на сцене, эмоциональность исполнения. А проблемы театра? По моим впечатлениям, в репертуаре есть спектакли живые, есть еле живые и есть неживые.

А что вы будете делать с «неживыми»? Мириться, реанимировать или снимать? ▶ СТР 08

С артистами новый худрук балета будет строг, но справедлив. Чтобы танцевать в Большом, считает Алексей Ратманский, «недостаточно иметь длинные ноги или другие какие-то прелести» Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

Газета — 2003 — 15 сент. — с. 1, 8.

“Григоровича снимать не буду”

Алексей Ратманский — Газете

101 СТР Буду анализировать, в чем проблема. Ведь практически все спектакли в репертуаре, как я понимаю, когда-то были событиями, поэтому дело, видимо, либо в качестве репетирования, либо в дизайне, либо в концепции. Все классические спектакли, я уверен, и глупо высказывать какие-то другие точки зрения, должны идти в Большом театре. Ведь он же Большой — самый большой классический театр в мире.

Дирекция Большого пригласила вас в надежде на то, что вы обеспечите театру современную афишу. Как она должна выглядеть, чтобы театр достойно представлял себя в мире? Хотите избежать стандартного набора — Форсайт, Эк, Ноймайер, Килиан... Их ставят все труппы в мире, потому что это основные хореографы на сегодняшний день. Понятно, что их собственные труппы танцуют их балеты лучше, чем даже Парижская опера или Большой театр. Но артистам очень важно танцевать такую хореографию. И классику после этого они начнут танцевать по-другому. Наверное.

То есть упор будет, скорее всего, на классику? На самом деле в Большом уже есть вся классика, кроме «Корсара». Все свои возможности руководителя балета я буду стараться использовать на то, чтобы делать новые, интересные для труппы и в других смыслах нужные постановки. Только время покажет, какие из них нужны театру, какие нет. В этом смысле должно быть право на ошибку.

Означает ли это, что программный тезис «Большой — не место для экспериментов» будет меняться? Эксперименты обязательно нужны, но надо понимать, что тут двести двадцать человек классических танцовщиков редкой выучки и одаренности. И использовать этот потенциал на какую-нибудь просто театральную ходьбу смысла нет. Современная хореография в Большом должна быть сложной, динамичной, отвечать возможностям артистов. Или двигать их в каком-то важном направлении.

Но двигаться в современном направлении артистам Большого трудно хотя бы в силу базового образования. Они не такие универсалы, как западные. А знаете, универсальность снижает стандарт. На мой вкус, лучше иметь блестящих классических танцовщиков, которые не могут танцевать модерн, чем средних универсалов, которые могут и то, и другое, и третье.

Большие компании в мире давно уже интернациональны по составу артистов. Кроме Парижской оперы, которая только для французов, и Большого с Мариинкой — эти театры только для россиян. Есть смысл менять эту ситуацию в Большом? Я на своей шкуре испытал, что такое быть иностранцем в национальной компании. Ориентация

всегда идет на национальные кадры — премьеру, например, в Датском Королевском балете при всей любви к иностранцам все равно всегда танцуют датчане. Наверное, в Америке только этого нет, а в Европе везде такая ситуация. Конечно, из истории балета мы знаем, что рывки происходили, когда итальянцы приезжали в Россию или русские во Францию. Но я лично очень рад, что в труппе Большого есть монолитность. Честно говоря, с трудом представляю, что в Большом будут танцевать люди из разных стран.

Может, проблема в количестве денег? Ну почему. Есть иностранцы, которые готовы еще и заплатить, чтобы станцевать в Большом. И такое бывает.

Мариинка, чтобы заинтересовать западных звезд, держит спектакли западного репертуара, тот самый стандартный набор — «Манон», к примеру, Баланчина... Западные звезды ведь могут танцевать «Жизель», «Лебединое», «Спящую». Вряд ли об этом надо думать. В первую очередь надо думать об артистах труппы, а среди них есть личности просто выдающиеся, ставить спектакли, в которых они проявятся. Конечно, любой худрук скажет вам то, что я сейчас говорю. Труднее эти намерения реализовать.

Вот вам конкретное препятствие — известные своей капризностью звезды Большого. Вы будете принуждать их танцевать то, что они не хотят? Как хореограф я, конечно, всегда предпочту работать с человеком, который хочет работать. Но как директор я постараюсь следить, чтобы все артисты как-то развивали свой репертуар.

А в канадском или датском балете, где вы танцевали, разве возможны ситуации, когда звезды капризничают? Нет, там это невозможно. Но если взять, например, Эвелин Харт, которую называют национальным достоянием Канады, — она, конечно, решает, что она будет танцевать, что не будет. Но у нее за плечами тридцатилетняя международная карьера.

В структуре репертуара перемен не предвидится — спектакли не будут идти блоками, как на Западе? Нет, нет. Революций не будет.

Советская классика тридцатых-сороковых годов — этот пункт будет как-то отражен в вашей программе? Обязательно. Мне это очень интересно независимо от того, удастся ли осуществить такие постановки в Большом театре. Хорошо бы возродить интерес к этим спектаклям, потому что проблема названий в больших театрах очень остро стоит сейчас вообще в мире — репертуар исчерпался немножко. Одни и те же балеты пятидесятилетних мэтров. А в спектаклях того периода, о котором мы говорим, во-первых, классная хореография, во-вторых, это мастерски сделанные

большие драматические спектакли, в которых у танцовщиков есть возможность развить характеры. Сейчас это редкость, в какой-то степени это может быть утеряно — ну, кроме Ноймайера, Эйфмана, может быть.

Что будете делать с балетами Григоровича? Ничего. Снимать не буду. Все, что идет, оно идет. Это визитная карточка театра, это важно.

Правда ли, что с новыми хореографами беда не только в России? Мне кажется, что хореографов, интересно работающих в классике и неоклассике, на сегодняшний день меньше, чем хореографов, работающих, например, в contemporary dance, в модерне. В современном направлении идет очень бурное развитие.

В Большом нет практики, принятой в крупнейших театрах мира, — хотя бы раз в год давать возможность молодым хореографам показывать свои работы. В Большом театре когда-нибудь такая система будет? Будет. Мы как раз работаем сейчас над проектом, и, как только он примет формы какие-то, я о нем расскажу, но смысл в том, чтобы заявить русскую хореографию, дать возможность людям молодым с артистами театра сделать какую-то новую продукцию для Большого. Будет это регулярно или нет — зависит от первого результата, но даже если он будет не очень удачным, все равно смысл есть.

Не боитесь вырастить себе конкурентов? Нет, пока у меня нет таких проблем.

В Европе редко большие компании возглавляют балетмейстеры. Большой — исключение? Здесь нужен... духовный лидер? Господи Боже мой! Как это напрягает сразу! Нет, на роль духовного лидера, боюсь, я не гожусь. Буду просто художественным руководителем.

Вы еще не вступили в должность, а уже поневоле оказались участником конфликта между Волоцковой и Большим театром. Будет она работать в театре или нет — решать вам в январе. Чем вы будете руководствоваться, перекладывая контракты с солистами? Критериев много. Прежде всего человек должен быть профессионалом, но он должен быть и членом коллектива. Недостаточно иметь длинные ноги или другие какие-то прелести. Это комплекс качеств. Особенно в Большом театре, где есть какие-то сложившиеся требования к солистам.

Вы умеет говорить «нет»? Помогает мне то, что я много ставил. Это меня заставляло, естественно. Всякий раз я находил все больше сил идти к результату независимо ни от чего. При